

Макс Вебер об объективности научного познания*

К.Х. Момджян

Московский государственный университет имени

М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Аннотация

Автор рассматривает ключевые положения методологии М. Вебера, к которым относятся принцип объективности научного познания, принцип «свободы от оценки», принцип «интеллектуальной честности». Решение проблемы объективности научного познания автор связывает с принципиальным различием между двумя функциями человеческого сознания – ориентационной и проектной. Первая из них состоит в осмыслении наличного бытия, познании и осознании того, что уже существует в мире или должно появиться в нем независимо от человеческого сознания; вторая представляет собой следующий этап – конструирование еще не существующей реальности на основании определенных ценностных установок и образа желаемого будущего. Столь же важным является различие рефлексивной и валюативной форм ориентации человека в мире. Первая основана на «чистой» познавательной деятельности, направленной на исследование реальности в ее собственной логике, не зависимой от интенциональных установок исследователя и его ценностных предпочтений. Рефлексивная ориентация пользуется языком истинностных суждений, поддающихся верификации в соответствии с методологией научного познания, понимая истину как объективность, которая дана нам феноменологически и не должна пониматься в духе корреспондентской трактовки, т.е. как соответствие знаний действительности. Валюативная ориентация находится за рамками познания мира «как он есть», но является деятельностью по его ценностному осознанию – в первую очередь, в форме соотнесения объективной реальности с человеческими потребностями и интересами; она мыслит уже в категориях добра и зла, справедливости и несправедливости и тем самым формирует проектные устремления людей. В рамках валюативной ориентации формируются ценностные суждения, которые не поддаются верификации и фальсификации, но выполняют функцию – продуцирования мнений

* Подготовка текста проходила в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформация культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

о мире, которые могут становиться общезначимыми, хотя и не могут определяться в качестве объективно истинных или объективно ложных. Автор делает вывод, что требование объективности научного познания подразумевает свободу науки от ценностных предпочтений, но не от оценок вообще, которые могут быть объективными тогда, когда оценивается значимость функциональных институтов, имеющих свое назначение.

Ключевые слова: философия науки, теория познания, гносеология, аксиология, истина, оценки, ценность, верификация.

Момджян Карен Хачикович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

karm48@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5383-5122>

Для цитирования: Момджян К.Х. Макс Вебер об объективности научного познания // Философские науки. 2021. № 4. С. 81–93.
DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-81-93

Max Weber on the Objectivity of Scientific Knowledge*

K.Kh. Momdzhyan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The author examines the key provisions of M. Weber's methodology, which include the principle of objectivity of scientific knowledge, the principle of "freedom from value judgement," and the principle of "intellectual honesty." The author connects objectivity of scientific knowledge with the fundamental difference between the two basic functions of human consciousness: orienting and projecting. The former consists in the comprehension of being, the cognition and understanding of what already exists in the world or should appear in it independently of human consciousness; the latter represents the next stage: the construction of a reality that does not yet exist, based on certain value attitudes and the desired image of the future. Equally important is the distinction between reflective and evaluative forms of a person's orientation in the world. The former is based on "pure" cognitive activity aimed at exploring reality in its logic, which is independent of the intentional attitudes of a researcher and his value preferences. Reflec-

* The research was conducted within the framework of the activities of the leading scientific school of the Lomonosov Moscow State University "Transformation of Culture, Society, and History: Philosophical and Theoretical Understanding."

tive orientation uses the language of true judgments that can be verified in accordance with scientific methodology, and understanding the truth as objectivity, given to us phenomenologically and not subject to further interpretation, i.e., as correspondence between knowledge and reality. Valuative orientation remains outside the framework of cognition of the world “as it is,” but it is still an activity for value awareness – first of all, in the form of correlating objective reality with human needs and interests; it judges in the categories of good and bad, justice and injustice, and thus forms people’s expectations. Within the framework of the value orientation, value judgments are also formed that do not lend themselves to verification or refutation but simply perform the function of generating opinions about the world that may become generally valid, although they cannot be defined as objectively true or objectively false. The author concludes that the requirement for objectivity of scientific knowledge also implies freedom of science from value judgments but not from assessments in general, for there can be objective assessments when the significance of functional institutions that have their own purpose is evaluated.

Keywords: philosophy of science, theory of knowledge, epistemology, axiology, truth, evaluation, value, verification.

Karen Kh. Momdzhyan – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

karm48@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5383-5122>

For citation: Momdzhyan K.Kh. (2021) Max Weber on the Objectivity of Scientific Knowledge. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64. no. 4, pp. 81–93.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-81-93

Введение

Вопрос о природе науки, ее месте в системе духовной активности людей вызывал особый интерес у Макса Вебера. Среди сформулированных им методологических идей существенная роль отводится принципу «свободы от оценки» и связанному с ним принципу «интеллектуальной честности». Представляется целесообразным проанализировать данные идеи, которые оказали существенное влияние на развитие общественных и гуманитарных наук XX века, учитывая, что неверная трактовка указанных принципов привела к ряду неблагоприятных последствий, которые будут рассмотрены в дальнейшем.

Излагая и комментируя взгляды Вебера необходимо помнить о том, что немецкий мыслитель жил и умер до того, как в европейской философии набрали силу идеи гносеологического анархизма [Фейерабенд 2007; Фейерабенд 2010], конвенционализма [Айдукевич 1996; Лакатос 2008], антиэссенциализма, релятивизма¹ и другие трактовки науки, альтернативные веберовскому пониманию. Поэтому необходимо начать с ряда общих характеристик научной деятельности, которые показались бы Веберу очевидными, в отличие от многих современных гносеологов.

Наука есть осмысление наличного бытия на языке суждений истины

Полагаем, что для понимания феномена науки надлежит структурировать общественное сознание людей и порождающие его формы духовной деятельности, выполнив три последовательные логические операции.

Шаг первый. Требуется установить принципиальное различие между двумя разными функциями человеческого сознания – *ориентационной* и *проектной*. Суть ориентационной функции состоит в осмыслении *наличного бытия*, того, что существует в нашем мире или возникает в нем, независимо от человека. В качестве предмета проектной функции выступает придумывание, конструирование пока не существующего в мире, но необходимого для поддержания жизни и повышения ее качества.

О различии этих форм духовной активности рассуждал еще Гегель, используя для их обозначения не вполне точные, на наш взгляд, термины «теоретическое сознание» и «практическое сознание». Немецкий философ писал: «Во взаимоотношениях с предметом *Я* бывает 1) *пассивным*, а предмет – причиной определений во мне... Это и есть *теоретическое* сознание... 2) противоположным образом проявляет себя *Я* как *практическое* сознание, когда нужно, чтобы определения *Я* не оставались только определениями его представления и мышления, а сделались внешне существующими. Тут я уже определяю вещи, я являюсь причиной изменения данных предметов» [Гегель 1971, 7–8].

Можно с уверенностью утверждать, что отрицать различие между ориентационной и проектной деятельностью могут только

¹ См., например, обзор концепций релятивизма в разных областях знания и их влияния на общество в работах [Relativism and Post-Truth... 2018; Baghrmian, Colliva 2020].

сторонники субъективного идеализма, убежденные в том, что человеческое сознание не познает наличный мир, а творит его, или сторонники теории отражения, уподобляющие сознание зеркалу и игнорирующие его проектную функцию. Впрочем, автор теории отражения, изложенной в работе «Материализм и эмпириокритицизм», ознакомившись спустя несколько лет после ее выхода с «Наукой логики» Гегеля, признал, что «мысль о превращении идеального в реальное глубока: очень важная для истории» [Ленин 1969, 104].

В любом случае различие между ориентационной и проектной функциями позволяет нам отделить ориентационную по типу науку от таких проектных форм духовной активности, как искусство, творящее мир по законам красоты, инженерия, конструирующая технические артефакты, или правотворчество, создающее социальные нормы. Становится очевидным, что отличие ориентационной функции сознания от проектной не является абсолютным, между ними существует онтологическая *взаимоположенность* и отношения *композиционного взаимопересечения*. В частности, инженерное проектирование невозможно без ориентационных знаний о мире, как и познание существующих реалий невозможно без конструирования идеальных объектов, отсутствующих в действительности (будь то точка в геометрии или «идеальные типы» социальной организации в общественной науке).

Итак, первый шаг в понимании науки – отличие ориентационного сознания от проектного. Второй шаг предполагает различение двух видов человеческой ориентации в мире – *рефлексивной* и *валюативной*.

Рефлексивная ориентация – *познание* мира в собственной логике его бытия, не зависящей от нашей воли и ценностных предпочтений (тела при нагревании расширяются, независимо от того, нравится нам это или не нравится). Рефлексивная ориентация говорит на языке *суждений истины*, которая дана нам феноменологически и не должна пониматься в духе корреспондентской трактовки, т.е. как соответствие знаний действительности. Нам близок подход, сторонники которого, отказываясь от философских наивностей, трактуют истину как согласие разума с чувственным опытом и самим собой, что не мешает им настаивать на ее объективном неконвенциональном характере. Соответственно, продуктом рефлексивной ориентации служат *знания* о мире, ко-

торые могут быть подвергнуты верификации, фальсификации и иным способам отличения истины от заблуждения.

Валюативная ориентация, по словам К. Ясперса, не *познает* лично данный мир, а *осознает* его, соотносит с потребностями и интересами людей, чтобы определить сущность добра и зла, справедливости и несправедливости, того, на что человек, по словам Канта, может надеяться в этом мире и что он должен в нем делать (в данном аспекте валюативное сознание постепенно переходит от ориентационных задач к проектным, выступая как идеологическое проповедничество и социальная инженерия, которая конструирует модели человеческого общежития, соответствующие представлениям идеолога об «истинных смыслах» нашего существования в мире). Важно, однако, понимать, что валюативная ориентация дает нам не истину, а некую жизненную *правду*, основанную на выборе приоритетных целей жизни, и является разной у людей с разным культурным бэкграундом и психотипом.

Валюативная ориентация коммуницирует на языке суждений ценности, которые, в отличие от суждений истины, не поддаются гносеологической верификации. Продуктом такой ориентации служат не знания, а *мнения* о мире. Последние могут быть общезначимыми и даже общеобязательными, но не являются объективно истинными или ложными, поскольку должное в нашем мире, что продемонстрировано еще Юмом и Кантом, не сводится к сущему и не выводится из него.

Различение рефлексивной и валюативной ориентации позволяет нам отделить науку от разнообразных форм ценностного осознания мира, включая моральные доктрины, политическую идеологию или особый валюативный тип философствования (в духе Кьеркегора или Ницше), отличный от аристотелевской традиции рефлексивного философствования (см. подробнее: [Момджян 2013]).

Третий шаг в определении науки не относится непосредственно к теме статьи. Речь идет об отличии рефлексивной ориентации научного типа от ее неконцептуальных форм, в частности от полицейского расследования, которое также ищет объективную истину, но иными методами и средствами. Осмысление такого отличия предполагает различение *номотетического* и *идеографического* видов научной ориентации, установление различий между процедурами *объяснения* и *понимания*, и т.п. В рамках настоящей статьи нами не предусмотрено рассмотрение данной

проблематики, поскольку интересующая нас методология Вебера связана прежде всего с различием между рефлексивной и валюативной ориентациями в мире.

Возможны ли ценностные суждения в науке?

Вебер, безусловно, относит науку к рефлексивному сознанию, отличая ее от ценностного осознания мира. Наука, согласно его убеждению, есть профессия, служащая делу «познания фактических связей, а вовсе не милостивый дар провидцев и пророков, приносящий спасение и откровение, и не составная часть размышления мудрецов и философов о смысле мира» [Вебер 1990а, 731]. Он утверждает: «Признаком научного познания является “объективная” значимость его выводов, т.е. истина» [Вебер 1990б, 346].

Из этого проистекает требование отказа науки от оценок, основанных на субъективных предпочтениях. Данный запрет имеет парадигмальный, а не объектный характер. Он не означает, что разнообразные ценностные системы не могут быть объектом научного исследования. Речь идет о том, что в процессе такого (и любого другого) исследования мы не должны опираться на суждения, основанные на неверифицируемых оценках.

Требование научной объективности сталкивается с рядом сложностей в области общественных и гуманитарных наук, объект которых не является ценностно нейтральным. Тем не менее Вебер признает такую объективность достижимой и считает мысль о ее невозможности в общественном сознании оскорбительной для достоинства гуманистов. Он обращается к ним с требованием об интеллектуальной честности, с призывом отличать и отделять свои знания от своих гражданских, религиозных, других мнений и убеждений.

С принципом интеллектуальной честности нельзя не согласиться. Принцип свободы от оценки, полагаем, нуждается в терминологических оговорках во избежание того, чтобы идеи Вебера не были упрощены и искажены.

Примером такой упрощенной, буквальной трактовки принципа свободы от оценки может служить точка зрения, согласно которой ученый может и должен констатировать, объяснять и прогнозировать социальные изменения, но не вправе оценивать их в таких понятиях, как «лучшее – худшее», «совершенное – несовершенное», «прогрессивное – регрессивное» и др. Это убеждение стало одной из причин дискредитации теории обще-

ственного прогресса, которую пытались и пытаются вывести за рамки научного мышления.

По нашему мнению, призыв к свободе от оценок должен учитывать тот фундаментальный факт, что они бывают разными и что далеко не от всех оценок наука должна себя освободить. При более глубоком прочтении трудов Вебера становится понятным, что он различает два вида оценок, которые можно назвать *суждениями ценности* и *суждениями значимости*. Оценки первого вида подлежат изгнанию из науки, оценки второго вида наука может и должна использовать.

Рассуждая о суждениях ценности, уместно вспомнить о трех разных подходах к пониманию ценности. Согласно первой (объектной) трактовке, ценностью является любая вещь, способная удовлетворять любую из человеческих потребностей. Согласно второй (реляционной) трактовке, ценностью признается не отличный от субъекта объект, а отношение значимости объекта для субъекта. Наконец, согласно третьему (субъектному) подходу, ценность – имманентное субъекту мотивационное предпочтение, связанное с выбором приоритетных целей существования в мире. При таком подходе необходимо различать собственно ценности и объекты ценностного предпочтения, именуемые *благами*. Важно понимать, что здоровье, свобода, истина или безопасность, которые ценят люди, не относятся к ценностям в категориальном понимании термина. Ценностью следует считать внутреннее мотивационное влечение к этим благам, превращающее их в приоритетные цели существования человека в мире.

Требование «свободы от оценки» целесообразно, по нашему убеждению, признать справедливым в отношении ценностных суждений. Несмотря на то, что набор ценностей у всех без исключения людей одинаков (как следствие видоспецифичности человеческих потребностей), люди обладают свободой ценностного *ранжирования* этих одинаковых потребностей, деления их на первостепенные и второстепенные, подлежащие и не подлежащие удовлетворению. Следовательно, каждый из нас вправе формировать свою ценностную иерархию (иерархию, а не номенклатуру!), отдавая предпочтение безопасности перед свободой или свободе перед безопасностью и т.д. При этом никто не должен квалифицировать наш выбор как гносеологически ошибочный,

если он сделан с достаточной степенью знания и понимания (см. подробнее: [Момджян 2020]).

Но далеко не все философы согласны с приведенным утверждением. В основе альтернативной точки зрения лежит, как правило, очевидная мысль о том, что ценностные предпочтения людей обладают разным адаптивным потенциалом. По мнению критиков, это дает нам объективный критерий верификации ценностных суждений: истинными являются те из них, которые способствуют самосохранению в среде, а ложными – те, которые ему препятствуют.

К сожалению, данное утверждение не учитывает тот факт, что самосохранение человека качественно отличается от самосохранения животного. Оно предполагает решение не одной, а двух задач, направленных на сохранение *факта жизни* и сохранение *качества жизни*. При этом в ситуации, называемой экзистенциалистами пограничной, когда можно сохранить жизнь, только потеряв ее качество, человек способен предпочесть качество факту жизни. Для культур и индивидов с *дефицитной* мотивацией приоритетным является биологическое выживание как таковое. Но в случае *бытийного*, по определению А. Маслоу, менталитета качество жизни оценивают выше ее факта, т.е. исходят из того, что в жизни существуют ценности, которые важнее жизни.

Тот или иной выбор в рамках приведенной дилеммы можно не одобрять, но его нельзя рассматривать в качестве априори ошибочного, основанного на незнании и непонимании. Кто-то может назвать дураком человека, который, вполне осознавая вред табака, продолжает курить и не планирует отказываться от этого занятия. Однако курильщик имеет такие же основания ответить «Сам дурак» человеку, отказывающемуся от удовольствий ради здоровой, пусть и пресной жизни.

Различие между суждениями ценности и суждениями значимости (полезности)

Суждения ценности могут быть *общезначимыми*. Об этом М. Вебер писал, утверждая, что «мнение, следует ли данного человека считать подлецом, оказывается в ряде случаев значительно более единодушным, чем согласие (именно специалистов) по поводу толкования испорченной рукописи» [Вебер 1990в, 559]. Нередко суждения ценности являются *общеобязательными*, если они утверждаются силой закона, как в случае запрета курения или

актуального призыва к т.н. политкорректности. Но ни интерес субъективности, ни правовое принуждение не делают эти суждения объективно истинными или ложными.

Нет и не может быть единственно истинного ответа на вопрос о том, разрешать аборт, эвтаназию или смертную казнь. Это – предмет ценностного предпочтения людей, часть из которых ставят самоценность жизни выше свободы женщины распоряжаться своим телом, выше, чем право инвалида на свободу от страданий, выше влечения к справедливости. Другие делают противоположный выбор, не связанный с незнанием или непониманием. Именно таким образом трактовал ситуацию М. Вебер, утверждая, что суждения ценности относятся к сфере человеческих предпочтений, а не к миру науки.

Существует и иной тип оценочных суждений – *суждения значимости (полезности)*, которые могут и должны использоваться в науке. Пример соответствующих суждений – оценки влияния на физическое здоровье, выражаемые в категориях объективно полезного и объективно вредного. Например, суждение «курить вредно» является субъектно-ориентированным оценочным суждением, которое тем не менее вполне поддается научной апробации.

В социальной науке присутствует иной вид суждений значимости, относящихся не к биологической активности человеческого тела, а к целеполагающей деятельности социальных субъектов. Речь идет об оценочных суждениях, объект которых – *средства достижения* поставленных человеком целей. Вспомним фразу Гете о том, что «свободен только первый шаг, но мы рабы второго». Избранная человеком цель предопределяет характер средств, годных или негодных для ее достижения, что делает оценку этих средств гносеологически возможной.

О различии между суждениями ценности и суждениями значимости Вебер писал следующее: «Размышление о последних элементах осмысленных человеческих действий всегда связано с категориями “цели” и “средства”. Мы *in concreto* стремимся к чему-нибудь либо “из-за его собственной ценности”, либо рассматривая его как средство к достижению некоей цели. Научному исследованию прежде всего и безусловно доступна проблема соответствия средств поставленной цели... Все люди, обладающие чувством ответственности, не могут игнорировать необходимость взвесить, каково будет соотношение цели и следствий определенных действий... Что же касается решения, принятого

на основе такого взвешивания, то это уже составляет задачу не науки, а самого человека, действующего в силу своих желаний; он взвешивает и совершает выбор между ценностями, о которых идет речь, так, как ему велят его совесть и его мировоззрение» [Вебер 1990б, 347–348].

Заключение

Изложенное выше означает, в частности, что мы имеем право на научную теорию прогресса, которая вполне применима к задаче конструирования функциональных институтов, имеющих свое назначение. В роли объективного критерия прогресса выступает соответствие объекта такому назначению. Ученый, оставаясь ученым, вправе считать плохой армию, которая не справляется с задачей сохранения национального суверенитета. Такая оценка – это не дело вкуса, о котором не спорят, а научное утверждение, подлежащее строгой верификации.

Поэтому требование «свободы от оценок» следует уточнить, говоря о свободе науки от ценностных предпочтений, что, несомненно, соответствует взглядам самого Вебера.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Айдукевич 1996 – *Айдукевич К.* Картина мира и понятийный аппарат // *Философия науки.* Вып. 2: Гносеологические и логико-методологические проблемы / отв. ред. В.А. Смирнов. – М.: ИФ РАН, 1996. С. 231–253.

Вебер 1990а – *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения / пер. и общ. ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Вебер 1990б – *Вебер М.* (1990б) «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // *Вебер М.* Избранные произведения / пер. и общ. ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.

Вебер 1990в – *Вебер М.* Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // *Вебер М.* Избранные произведения / пер. и общ. ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. С. 547–601.

Гегель 1971 – *Гегель Г.В.Ф.* Философская пропедевтика // *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т. 2 / сост. и общ. ред. А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1971. С. 7–209.

Лакатос 2008 – *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // *Лакатос И.* Избранные произведения по философии

и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. С. 201–280.

Ленин 1969 – Ленин В.И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. Т. 29 / под ред. Г.Д. Обичкина. – М.: Политиздат, 1969.

Момджян 2013 – Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. Т. 1. – М.: Издательство Московского университета, 2013.

Момджян 2020 – Момджян К.Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25–41.

Фейерабенд 2007 – Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ; Хранитель, 2007.

Фейерабенд 2010 – Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ, 2010.

Baghramian, Colliva 2020 – Baghramian M., Colliva A. Relativism. – London: Routledge, 2020.

Relativism and Post-Truth... 2018 – Relativism and Post-Truth in Contemporary Society: Possibilities and Challenges / ed. by M. Stenmark, S. Fuller, U. Zackariasson. – Cham: Palgrave Macmillan, Springer Nature, 2018.

REFERENCES

Ajdukiewicz K. (1996) The World-Picture and the Conceptual Apparatus. In: Smirnov V.A. (Eds.) *Philosophy of Science. Issue 2: Epistemological and Logical-Methodological Problems* (pp. 231–253). Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Baghramian M. & Colliva A. (2020) *Relativism*. London: Routledge.

Feyerabend P. (2007) *Against Method. Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge*. (A.L. Nikiforov, Trans.). Moscow: AST; Khranitel' (Russian translation).

Feyerabend P. (2010) *Science in a Free Society*. (A.L. Nikiforov, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Hegel G.W.F. (1971) Philosophical Propaedeutic. In: Hegel G.W.F. *Works of Different Years in 2 Vols.* (Vol. 2, pp. 7–209). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Lakatos I. (2008) History of Science and Its Rational Reconstructions. In: Lakatos I. *Selected Works on the Philosophy and Methodology of Science* (pp. 201–280). Moscow: Akademicheskiiy proekt; Triksta (Russian translation)

Lenin V.I. (1969) Philosophical Notebooks. In: Lenin V.I. *Collected Works* (Vol. 29). Moscow: Politizdat (in Russian).

Momdzhyan K.Kh. (2013) *Social Philosophy. An Activity-based Approach to the Analysis of Man, Society, and History* (Vol. 1). Moscow: Moscow University Press (in Russian).

Momdzhyan K.Kh. (2020) On the Problem of Universal Values. *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 25–41 (in Russian).

Stenmark M., Fuller S., & Zackariasson U. (2018) *Relativism and Post-Truth in Contemporary Society: Possibilities and Challenges*. In: Stenmark M., Fuller S., & Zackariasson U. (Eds.). Cham: Palgrave Macmillan, Springer Nature.

Weber M. (1990a) Science as a Vocation and Profession. In: Weber M. *Selected Works* (pp. 707–735). Moscow: Progress (in Russian).

Weber M. (1990b) “Objectivity” of Socio-Scientific and Socio-Political Knowledge. In: Weber M. *Selected Works* (pp. 345–415). Moscow: Progress (in Russian).

Weber M. (1990c) The Meaning of “Value-Free” in Sociological and Economic Science. In: Weber M. *Selected Works* (pp. 547–601). Moscow: Progress (in Russian).